

Снег стелился, укутывая мир в бескрайнюю белизну.

Даже на крышах дворца, где покоился Верховный из высших небожителей, лёг тонкий слой инея — редкость для этих мест. Обычные тёплые тропинки сада окутал утренний туман. Маленькие слуги нервно переглядывались: подобного здесь не видели уже сотни лет.

С тех пор как на Линшане появилась та самая сяньцао, гора давно не знала настоящего холода.

И теперь в таких переменах даже слов не требовалось — настроение хозяина было хуже некуда.

В прошлом Небесный Повелитель прославился мягким нравом и спокойной улыбкой. Но сейчас, хоть он и не выказывал ни капли гнева, всем становилось тревожно. Один из слуг почтительно произнёс:

— Повелитель, листы розыска уже развесили.

Сянь Хуан сидел у окна. Перед ним тихо парила свежая чайная заварка. Его взгляд оставался спокойным.

— Пока я был в затворе, вы стояли на страже. В тот день на Линшане что-нибудь произошло?

Слуга тут же опустился на колени:

— Повелитель, когда вы ушли в затвор, Ваньмэ внезапно пошевелилась. Та древняя гора, запечатавшая в себе три дыхания мира, вдруг пришла в смятение — духовная энергия между небом и землёй всколыхнулась, пошла вспять. Линшань тоже был потрясён. Мы боялись нарушить ваше уединение и объединились, чтобы защитить вашу формацию. Но ученики дают слово: никто оттуда не выходил!

Небесная трава внезапно раскололась, обрела форму... и исчезла без следа.

По всем правилам, потеря волшебной травы, пусть и серьёзна, не должна была поколебать Повелителя, чья душа тысячи тысяч лет была ясна и неподвижна, словно вода. Они думали, он воспримет это безмятежно. Но к их потрясению, вчера после полудня по трём мирам разлетелся приказ о всеобщих поисках.

Слуга неуверенно добавил:

— Повелитель, мы разузнали, что и в мире демонов тоже объявили поиски. Они тоже ищут какую-то небесную траву. Как так вышло — мы потеряли траву, и ровно в то же время они объявляют поиски? Не кроется ли тут подвох?

Пальцы Сянь Хуана чуть дрогнули на чайной чашке. За окном снег падал мягко и неизбежно, ложился на подоконник, где прежде стояли зелёные ростки.

Долго он молчал.

Наконец тихо произнёс:

— Тарвинку я принёс из Ваньмэ. Она связана с той горой куда крепче, чем кажется.

Пауза.

— Демоны, возможно, что-то узнали.

Слуга удивился: ведь по преданиям, на Ваньмэ миллионы лет не росло ни сорнячка. Выходит, эта травинка — поистине исключительная.

Неудивительно, что Повелитель относился к ней так серьёзно.

— Хозяин, — поспешил добавить он, — все главы гор, получив приказ, уже ищут следы небесной травы.

Сянь Хуан поставил чашу:

— Хорошо. Передай им: искать — первоочередно. Но без шума и тревоги. Следовать правилам. Ни в коем случае не причинять вреда другим... и тем более ей.

Слуга всё же не удержался:

— Повелитель... вы так бережны к ней.

В комнате стояла безмятежная тишина.

И голос Хуана мягко упал, словно снежинка:

— Я сам возвращал её. Для меня она... особенная.

Мир демонов.

Гора Ваньцзесань.

На самом вершине Мировой Горы в мрачном мире медные колокольчики на карнизе Великого Демонического Зала звенели под порывами ветра. Четыре драконьи колонны возносились вверх, придавая залу суровую, подавляющую величавость.

Перед тронном стоял целый ряд согбренных фигур.

Воин в чёрном плаще, стоя на одном колене, произнёс:

— Ваша Милость, виноват. Осмелился потревожить ваше затворничество. Прошу наказания.

Ступени извивались вверх к престолу. На нём, в тени высоких колонн, сидел мужчина в чёрных одеяниях. Мозун Дажэн опирался длинной бледной рукой на висок. Его чёрные волосы свободно спадали на плечи, а высокое, сильное тело источало властную мощь — ту самую, от которой подчинённым хотелось склониться до пола. Он произнёс спокойно:

— Неважно, что меня потревожили в затворе.

Воин колебался:

— Тогда... Ваша Милость, вы...

Мозун Дажэн наконец открыл глаза. Алые зрачки холодно блеснули. Уголки губ слегка

приподнялись, однако ни намёка на истинную улыбку не было.

— Я отсутствовал всего один день. И за этот один день небесная трава из моего зала исчезла. Вся Мировая Гора охраняется так, что муха не пролетит... И вы хотите сказать, что травку с сотней лет духовной силы вот так взяли и потеряли?

Удар духовным давлением обрушился мгновенно.

Стражники едва удержались на ногах.

Гнев Мозун Дажэна — не то, что смертные способны выдержать. Холодный пот стекал по их спинам.

Верховный жрец, стоявший рядом, поспешно вмешался:

— Ваша Милость, старый слуга полагает: вчера, когда Ваньмэ вздымалась и бушевала, вся демоническая раса почувствовала потрясение. Возможно, травинка тоже была втянута в этот хаос — поэтому и пропала. Сегодня вы издали указ о поисках, так что три мира наверняка уже пришли в движение. Только вот... я слышал, что бессмертные тоже объявили поиски. Похоже, и они ищут ту самую траву...

Он ожидал хоть какой-то реакции.

Но Мозун Дажэн лениво приподнял бровь:

— Ну и?

Жрец застыл.

Настроение Мозун Дажэна угадать было невозможно — это знали все.

Он склонился ещё ниже:

— Ваша Милость, неясно, чего добиваются небожители. Тот Сянь Хуан — человек коварный, мысли у него запутанные. Боюсь, это часть его хитрого плана...

В зале раздался короткий смешок.

Мозун Дажэн чуть выпрямился, впервые за всё время взглянув на жреца прямо. Его голос тек медленно и холодно:

— И что с того?

Слова жреца застряли у него в горле.

Алые глаза Мозун Дажэна блеснули презрением, надменным и спокойным одновременно — словно он услышал нелепую шутку. Он был единственным божественным телом в трёх мирах; даже с половиной прежней силы — непобедим. Сидящий на троне мужчина говорил ровно:

— Три дня.

Жрец моргнул:

— К-какие три дня?

— Даю вам три дня, — произнёс Мозун Дажэн тихо, ледяным тоном. — Переверните весь Демонический Город, разберите его по камню, но найдите мою траву.

Если же нет...

Он приподнял уголок губ. Мягко. Страшно.

— Через три дня я спущусь с горы сам.

Посреди белого дня жреца внезапно пробрал леденящий холод.

Иногда, правда, становилось жаль ту маленькую травку. Ну вот чего ей не хватало? Нет же — умудрилась навлечь на себя гнев этих двоих Богов...

Город Тяньшуэй.

Город сиял огнями.

Окружённый людьми со всех сторон, Цзянь Чжэнь чувствовал, как давление нарастает с каждой секундой. Ладони вспотели. Он уже почти решился признаться во всём, когда...

Юй вдруг шагнул вперёд и встал прямо перед ним:

— Да хватит уже, не находите? Как Цзянь Чжэнь может быть той самой разыскиваемой травой? Если бы он и вправду был ею, откуда взялись бы все эти раны? Нашли бы вы его тогда избитым в лесу? Не смешите. Разве Повелители небес и демонов позволили бы кому угодно вступить с ним в двойную культивацию?

Толпа одновременно кивнула, словно истина снизошла на них прямо сейчас.

Юй повернулся к Цзянь Чжэню и мягко улыбнулся:

— Всё хорошо, не волнуйся. Я тебе верю.

Цзянь Чжэнь: «...»

Он и сам не знал, смеяться ему или плакать.

Но слова Юя всё же вытащили его из петли подозрений — и за это он был благодарен.

Когда опасность миновала, все принялись искать постоянный двор, где можно было бы отдохнуть. В карманах у большинства имелись хоть какие-то духовные камни для расчётов... у всех, кроме Цзянь Чжэня. У него не было ни одного — он едва понимал, что такое деньги.

Ван Цань удивлённо присвистнул:

— Да ладно? Ты настолько бедный?

Цзянь Чжэнь смущённо потупил взгляд. Он же не мог прямо сказать, что последние сто лет и

понятия не имел о деньгах...

Ван Цань посмотрел на его белое, будто светящееся под лампами лицо — слишком чистое, слишком нежное — и в глазах у него что-то мелькнуло:

— Ладно уж... Тогда, может, ты бы с нами...

Но Юй быстро подскочил, встал перед Цзянь Чжэнем, чуть прикрывая его собой:

— Ты и так с братом на двоих в тесноте. А я один — пусть Цзянь Чжэнь поселится со мной. Постелим ему на полу — не проблема. День был тяжёлый, все устали. Давайте сперва поедим, а?

Замысел Ван Цаня рассыпался в пыль. Он фыркнул:

— Как хотите.

Внизу этого постоянного двора находилась трапезная.

Когда Цзянь Чжэнь увидел меню, он едва сдержал слюну. Сто лет питаться росой... да любой аскет позавидовал бы такой «строгости».

Но...

У него нет денег.

Цзянь Чжэнь опустил меню, немного потупив взгляд.

Юй заметил это и мягко улыбнулся:

— Всё нормально. Я взял с собой немного денег из дома. Если хочешь — заказывай. Что угодно.

Глаза Цзянь Чжэня вспыхнули:

— Правда?

В этот миг они сияли, как две маленькие звёзды — послушные, чистые и по-детски милые.

Юй на секунду опешил, а затем улыбнулся:

— Угу.

Глаза Цзянь Чжэня чуть выгнулись, словно улыбка расцвела в самом их уголке:

— Тогда... когда у меня появятся деньги, я всё тебе верну.

Юй смотрел на него, уткнувшегося в меню с таким серьёзным видом, что поневоле замирал. Как в мире вообще может существовать такой человек? Явно не знающий мирских дел — но воспитанный, вежливый. Без гроша в кармане — но не стремится взять лишнего. Чистый, ясный, словно родниковая вода. Одно только взглянешь — и понимаешь: кто-то лелеял его всю

жизнь. Если бы не «потеряли», им, простым путникам, никогда бы не довелось увидеть такого ребёнка.

Цзянь Чжэнь выбрал блюда и передал меню Юю.

Тот взглянул — и рассмеялся:

— Красное тушёное мясо?

Цзянь Чжэнь поспешно закивал, чуть смутившись. Даже тревожно спросил:

— Можно?

Он полгода ел только россу — ну как тут не захотеть чего-то другого?

Трава, которая не хочет мяса, — плохая трава!

Юй ожидал, что он выберет что-нибудь редкое и дорогое, и теперь только развёл руками:

— Конечно можно!

Постоялый двор был лучшим в Тяньшуге, и кухня здесь славилась на весь город. Ван Цань с остальными заказали много всего, но когда принесли блюда, в глазах Цзянь Чжэня существовало только одно — красное тушёное мясо.

Юй пододвинул тарелку:

— Пробуй.

Цзянь Чжэнь взял кусочек палочками, очень осторожно положил в рот — и в ту же секунду его глаза вспыхнули. Мягкое, сочное мясо таяло на языке, аромат пропитывал каждую клеточку... И это было мясо. Не сладковатая засушливая роса — мясо!

Юй засмеялся:

— Настолько вкусно?

У Цзянь Чжэня даже уголки глаз чуть увлажнились. Он выглядел как послушный маленький зверёк, который впервые попробовал лакомство, и быстро кивнул:

— Угу!!

Пальцы Юя слегка дрогнули, будто невольно сжались. Он вдруг спросил:

— Цзянь Чжэнь...

Тот, жуя, поднял глаза:

— Мм?

— Это... — Юй почесал затылок, на простодушном лице появилась искренняя растерянность. — А какая у тебя... эм... изначальная форма?

Цзянь Чжэнь тут же застыл.

Юй, увидев это, поспешил:

— Я ничего плохого не подразумеваю! Просто... я ведь из клана демонов, чувствую, что ты что-то растительное. Но... все растительные духи, которых я знаю, мясо не едят. Поэтому я подумал — ты, наверное... ну... какой-то особенный?

Мясо, лежавшее у Цзянь Чжэня во рту, вдруг стало проблемой вселенского масштаба. Он ведь не мог признаться, что просто был прожорливой травой?

Но сказать, что он — небесная трава, означало выдать себя.

Все за столом уже смотрели на него, ожидая ответа. От их пристальных взглядов Цзянь Чжэнь сжался, промямлил:

— Я... да, я растительный дух. А насчёт мяса... это потому что я... я...

Он отчаянно перебирал в голове растения, пока...

Идея!

Он хлопнул в ладоши:

— Потому что моя форма — бао-ван-хуа! Хищный цветок!

— ...

Тишина накрыла стол, как плотное одеяло.